

ритарной системе), либо коалиционный (пропорциональное представительство). Как правило, считается, что наиболее сильное и стабильное правительство в условиях парламентско-мажоритарного соединения, поскольку комбинация партийной и избирательной систем дает возможность избежать «распределенного правления» (идеологического расхождения между парламентом и правительством).

Главное преимущество парламентской модели в том, что она дает возможность согласовывать две функции, одинаково необходимые в политике: преемственность и изменение. Техническое решение, которое обеспечивает соединение этих противоречивых целей, заключается в органичном удвоении функций власти: на базе различения исполнительной и законодательной ветвей, которые сотрудничают, каждая из них образует по два органа, один из которых обеспечивает функцию преемственности, другой – изменений. Двумя органами, на которые возложена функция преемственности, являются глава государства и верхняя палата. Тогда как правительство воплощает функцию изменений в системе исполнительной власти благодаря своей политической ответственности. Симметрично нижняя палата исполняет в системе законодательных органов их же функцию изменений, потому что возможным есть ее роспуск, вследствие чего продолжительность деятельности правительства может быть разной. Кроме того, коалиционные кабинеты часто действуют более открыто, чем однопартийные. Также при смене коалиционных кабинетов их состав, как правило, изменяется не так сильно, как при радикальном чередовании правительств в парламентско-мажоритарных странах.

Ряд исследователей выделяют на основе эмпирических исследований такие социально-экономические особенности парламентско-пропорционального правления, как сравнительное превосходство в деле нивелиаций межэтнических противоречий, высокие показатели контроля за безработицей и экономическим ростом. Это объясняется тем, что в кратковременном плане однопартийные кабинеты или президенты полностью могут быстрее формировать экономическую политику. В долгосрочном же плане политика, которая стоит на широком консенсусе, имеет больше шансов на успешную реализацию и на то, чтобы выдержать проверку временем.

Таким образом, не следует недооценивать пропорциональное представительство и парламентскую форму государственного правления как вариант для новых демократий. Парламентско-пропорциональные системы почти неизменно показывают лучшие результаты, особенно касательно представительства, защиты интересов меньшинства, активности избирателей и контроля над безработицей.

Но прежде чем внедрять определенный вариант государственного правления, необходимо четко сформулировать, какие особенности прежней формы правления были полезными и необходимыми для функционирования данного социального организма, а какие особенности исчерпали свою актуальность: необходимо оценить, чем можно пожертвовать во имя социального развития и установления порядка, а что следует оставить неизменным, охраняя социальную систему от ненужных потрясений.

ХАРАКТЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Т.И.Предко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Прошрое столетие, насыщенное эпохальными событиями, положило начало процессам системной трансформации, интеграции и глобализации. Ныне в результате развертывания этих процессов мир становится принципиально иным, формируется его единство. Поэтому многие современные феномены культурной жизни не имеют аналогов в истории общества, являются качественно новыми. Вместе с тем культур-

ный процесс, представляющий собой непрерывное создание новых ценностей, может успешно развиваться только на основе ранее произведенных культурных ценностей. Ведь необходимым условием естественного развития культуры является ее традиционность. В противном случае общество теряет тот культурный фонд, без которого становится невозможным существование самой культуры. Пагубным для культуры любого этноса может также стать внедрение в нее чуждой культурной традиции, поскольку в данном случае утрачивается ее самобытность, ее специфические черты, качественно отличающие ее от культур других этносов. А такая опасность заметно возрастает в связи с интеграцией и глобализацией.

Религия, являясь специфическим культурным феноменом, также оказалась подверженной влиянию интеграции и глобализации как реалий современного общества. Религиозные верования в своеобразной форме реагируют на развертывание данных процессов, видоизменяя религиозное сознание как на уровне религиозной идеологии, так и на уровне обыденного сознания верующих. С одной стороны, необходимым условием функционирования религиозных объединений является сохранение ими религиозных традиций в форме догматов, канонов и обрядов. Но, с другой стороны, консерватизм необходимо сочетать с модернизацией вероучения и культа, ибо в противном случае данное верование будет неуклонно терять своих адептов. Интеграция и глобализация способствуют ускорению этой модернизации, следствием чего становится изменение религиозных стереотипов, диверсификация религиозных представлений верующих. Если на уровне религиозной идеологии под влиянием глобализационных и интеграционных процессов модернизируется вероучение и культ всех традиционных религий практически в более или менее равной степени, то на уровне религиозной психологии данная модернизация в различных вероучениях происходит неодинаково, поскольку обуславливается также местом проживания верующих, их социально-демографическими характеристиками, степенью «включенности» в общественную жизнь не только религиозной общины, но и секулярного коллектива, а также рядом других обстоятельств. Поэтому на данном уровне не так отчетливо проявляются общие закономерности модификации сознания, присущие религиозной идеологии. У адептов одного и того же вероучения можно обнаружить своеобразный веер сформировавшихся под влиянием глобализации и интеграции религиозных взглядов и представлений. Однако в целом их диверсификация происходит по двум основным направлениям. Во-первых, в обыденном сознании верующих уменьшается удельный вес сугубо религиозных представлений, «священное» (sacer) уступает место «мирскому» (profano). Во-вторых, интенсифицируется религиозное осмысление глобальных проблем, идет восхождение от сугубо вероучительных к общечеловеческим ценностям с целью придания им религиозной значимости.

Существенным показателем такого поворота является изменение отношения верующих к окружающей среде, осознание меры своей ответственности за все живое на Земле, необходимости сохранения и рационального использования природных ресурсов. Например, в христианстве человек и окружающий его мир традиционно рассматриваются как творение божье. В связи с этим каждый верующий должен бережно относиться к обитаемой среде, прилагать свои усилия для ее сохранения. Однако в сочинениях ранних христианских богословов со ссылкой на Священное Писание утверждалось, что человек есть не только «венец божественного творения», но и «хозяин тварного мира» (Быт., 1:26,28) и поэтому может распоряжаться окружающей средой по своему усмотрению. В условиях глобализации христианские идеологи пересматривают данную концепцию. В наши дни они уже пишут о том, что экологический кризис есть следствие греховного устремления людей к «самообожествлению». Современный человек «забыл» о Боге, отвернулся от него и благодаря научно-техническим достижениям возомнил себя всемогущим, равным высшему существу. За это он рас-

плачивается отчуждением себя от естественной среды обитания. Выход из создавшегося положения христианские богословы видят в дополнении библейского постулата о «владычестве над природой» доктриной «ответственности людей перед создателем в управлении природой», ибо Бог не только повелел человеку владычествовать над землей, но и «наполнять ее» (Быт., 1:28).

Рядовые адепты также убеждены в том, что христианское учение должно быть положено в основу решения современных экологических проблем. При этом успех в их решении они связывают с возвращением человека к Богу, с восстановлением «экологии души». Необходимо обуздать стремление к «самообожествлению», исправить греховные наклонности человека, переосмыслить материальные потребности, реализовать принципы «хозяйственного аскетизма» в общественной и личной жизни, утвердить духовные ценности. Современные верующие убеждены в том, что нельзя рассматривать творение Богом природы лишь только для того, чтобы она служила человеку. Если она сотворена только для служения людям, то она должна восприниматься как что-то внешнее. А такая установка не может быть согласована с христианским учением, исходящим из принципа гармонии природы и человека. Отношения «Бог-человек», «Бог-природа» и «человек-природа» должны находиться в неразрывном единстве. По их мнению, только идя по пути восстановления единства природы, человека и Бога, можно успешно решать современные экологические проблемы.

Диверсификация религиозного сознания под влиянием глобализации и интеграции проявляется также в результате экуменической деятельности Церкви, главной целью которой является объединение христианских конфессий. На богословском уровне речь идет о необходимости движения к христианскому универсализму, основанному на солидарности всех христиан во Христе Иисусе. Поэтому та или иная Церковь может не соглашаться на компромиссы в догматических вопросах, но должна направлять свои усилия на преодоление церковного национализма и конфессионального фанатизма. Современные христианские богословы заявляют о том, что церковная культура основывается на органическом и положительном единстве национального и универсального. «Церковный национализм и фанатичный конфессионализм, - пишет православный теолог А.Р.Бессмертный, - обедняют религиозную жизнь, даже хранящую полноту истины во всей целостности своей традиции» [1, с.166]. Поэтому нельзя считать экуменизм ересью, но в то же время нельзя впасть в противоположную крайность, «размывая в своей экуменичности все границы между христианскими, а иногда и нехристианскими вероисповеданиями» [1, с.139].

На уровне обыденного религиозного сознания изначальной установкой экуменического движения являются слова И.Христа: «Идите, научите все народы (курсив мой – Т.П.), крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...» (Матф., 28:26). Современные приверженцы христианства также акцентируют внимание на то, что в апокалипсических видениях апостола Иоанна, завершающих Священное Писание, торжественно возвещается высшая мистическая избранность каждого народа. «После этого взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен, и колен, и народов, и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. Иоан., 7:9).

Рядовые верующие убеждены в том, что реальный христианский экуменизм на деле является внутренней установкой личности, осознающей всехристианское единство в братской любви и общем исповедании И.Христа Сыном Божьим. Поэтому они считают себя открытыми всему живому и человеческому в других исповеданиях и не выступают против доброжелательного диалога, оставаясь в то же время верными догматам и канонам собственной церковной традиции. Такая экуменическая установка, диверсифицирующая обыденное религиозное сознание современных верующих, несомненно, обусловлена развертыванием процессов глобализации и интеграции. Она в

своей сущности не сводится лишь к аморфному христианскому эклектизму и одновременно не является идеей чисто внешнего административного объединения Церквей. Она также направлена на активизацию миссионерской деятельности, имея в виду евангелизацию всех народов.

Такая направленность обусловила актуализацию в сознании верующих проблемы нации и национальных отношений. Идеологи христианской Церкви специально не занимались разработкой данной проблемы, но Церковь придерживается определенной концепции как в доктринальном, так и в практическом смысле. Доктринально Церковь умалывает и даже нигилистически относится к национальному фактору, поскольку ее миссией является «избавление в целом мире и во все времена». Церковь присвоила себе роль «матери и наставницы семьи народов», выражая это в форме христианского космополитизма. Но, поскольку практическое существование и деятельность Церкви протекает на национальной почве, она вынуждена приспособляться к национальной форме бытия общества, давать собственную интерпретацию национальным отношениям, а также реагировать на нехристианские, а также секулярные концепции в целом. Эти отношения интерпретируются в основном с позиции христианской этики. При этом нация лишается субстанциональной значимости, а национальные ценности попадают в разряд второстепенных, ибо на первое место возводятся «эсхатологические ценности».

В обыденном сознании верующих национальное и религиозное тесно переплетаются, взаимодействуют и также отчетливо проявляется тенденция поставить национальное в зависимость от религиозного. Современные адепты христианства убеждены в том, что основная причина нынешних конфликтов на национальной почве заключается в отходе человека от религиозных принципов миролюбия и всепрощения, в желании многих людей, отошедших от истинного миропонимания, показать свою национальную исключительность. Следовательно, если в социальном смысле связь религии и ее институтов с нацией нередко имеет негативный характер, то в сознании рядовых верующих, как правило, не возникает чувство своего национального превосходства или национальной ограниченности других людей. В данном случае убеждение в истинности «своего» вероучения и «неполноты истины» в других конфессиях не перерастает в идею превосходства одной нации над другими.

Глобализация и интеграция оказали влияние и на иные религиозно-мировоззренческие представления верующих. В частности, адепты христианского вероучения ныне акцентируют внимание на проблемах теософии, оккультизма, астрологии и других подобных феноменах, приводящих к диверсификации этих представлений.

Литература

1. Бессмертный А.Р. Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989.

GREAT TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF SOCIAL CONTROL IN THE XXTH CENTURY

Professor Craig Little
State University of New York at Cortland, USA

The types of social control deployed in societies are closely related to what people generally believe are the reasons why people deviate--their commonly accepted "theories of deviance." And beliefs about what causes deviance have varied greatly in Western history. This paper examines the changes in the predominant theories of deviant behavior, and the related shifts in the predominant approaches to social control, over the last 400 years. In it I will make very broad generalizations which can only be claimed to be true as a general rule.